

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ пятнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

19-го Іюня 1877 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1877 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 25.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Мѣстные Распоряженія.

О способѣ высылки кружечныхъ сборовъ въ пользу раненныхъ и больныхъ воиновъ.

(Къ свѣдѣнію и исполненію).

Литовская духовная консисторія слушала рапортъ Черевачицкаго благочиннаго отъ 24 мая сего 1877 г. за № 117, при которомъ, вслѣдствіе распоряженія Литовской консисторіи, пропечатаннаго въ 45 № Епархіальныхъ Вѣдомостей, представилъ пожертвованія поступившія по вѣренному ему благочинію, въ 1-й половинѣ текущаго года въ кружки учрежденныя для сбора подацій въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воиновъ, въ количествѣ 14 руб. 48½ коп. Приказали и Его преосвященство преосвященнѣйшій Владиміръ епископъ Ковенскій 12 сего Іюня утвердилъ; присланныя при семъ деньги, вмѣстѣ съ другими сего рода деньгами, выслать по назначенію; а рапортующему дать знать указомъ о полученіи сихъ денегъ и независимо оттого объявить чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, чтобы впредь пожертвованія сего рода, согласно указу Св. Синода, пропечатанному въ № 45 Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1876 г., были изъ кружекъ высылаемы по полугодіямъ и чрезъ благочинныхъ были высылаемы непосредственно въ Главное Управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ С.-Петербургъ, по большой морской ул., домъ № 44, и о количествѣ высылаемыхъ отъ каждой церкви сего рода кружечныхъ пожертвованій въ извѣстіе было доносило консисторіи.

— **Перемѣщеніе.** 13 іюня, настоятель Замшанской церкви, Врестскаго уѣзда, *Андрей Мирковичъ* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Гутовской ц., Кобринскаго уѣзда.

— 12 іюня, утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Черевачицкой ц., Кобринскаго уѣзда, крест. Батчевскаго Сельскаго общества *Савва Григорьевъ Слива*; къ Крупчицкой ц., крест. дер. Чижевщины, *Адамъ Онуфриевъ Сиротко*; къ Степанковской ц., крест. Степанковского сельскаго общества, *Николай Θεодоровъ Сахарчукъ*; къ Сѣхновичской ц., крест. дер. Матіевичъ, *Давидъ Максимовъ Дыдикъ*.

Мѣстные Извѣстія.

— По случаю перехода 8 корпуса русскихъ войскъ черезъ Дунай, успѣшнаго движенія ихъ впередъ и непрерывно продолжающагося вступленія на правой берегъ Дуная прочихъ войскъ, 17-го числа сего іюня, въ 11 часовъ утра, послѣ Божественной литургіи, въ Свято-Духовской церкви, Его Высокопреосвященство изволилъ совершить благодарственное молебствіе при многолюдномъ стеченіи высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

— **Отъ правленія Виленскаго духовнаго училища.** Вслѣдствіе опредѣленія отъ 2 іюня, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ, Правленіе Виленскаго духовнаго училища честь имѣетъ просить Редакцію напечатать въ одномъ изъ №№ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей къ свѣдѣнію духовенства слѣдующее отношеніе *Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ отъ 26 мая 1877 г. за № 4789 относительно того, какимъ гербовымъ сборомъ должны быть оплачиваемы прошенія и прилагаемые къ нимъ документы, подаваемые духовенствомъ и лицами свѣтскаго званія о принятіи ихъ дѣтей въ училище и на содержаніе духовенства:* „Вслѣдствіе возбужденнаго вопроса отъ 28 мая 1876 г. за № 522 о томъ, какимъ гербовымъ сборомъ должны быть оплачиваемы прошенія и прилагаемые къ нимъ документы, подаваемые духовенствомъ и лицами свѣтскаго званія о принятіи ихъ дѣтей въ училище и на содержаніе духовенства, Хозяйственное Управленіе имѣетъ честь увѣдомить правленіе Виленскаго духовнаго училища, что согласно Высочайше утвержденного 17 апрѣля 1874 г. устава о гербовомъ сборѣ, прошенія подаваемые разными лицами о принятіи ихъ дѣтей въ училище изъяты отъ оплаты гербоваго сбора, прошенія же о принятіи дѣтей на содержаніе духовенства и прилагаемые къ прошеніямъ документы, за исключеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ о состояніи здоровья дѣтей и привитіи имъ оспы, должны быть оплачиваемы гербовымъ сборомъ въ 40 коп. за каждый листъ“.

— **Пожертвованія.** Братчикъ Березской Кресто-Воздвиженской церкви, Московскій 2-й гильдіи купецъ *Петръ Ивановичъ Морозовъ*, пожертвовавшій въ текущемъ году въ Березскую церковь 7 иконъ, нынѣ прислалъ къ онымъ

6 вызолоченныхъ лампадъ самой изящной работы, исполненныхъ въ мастерской г. Оловянишникова съ стеклянными къ нимъ лампаками, нарочно заказанными въ мальцевскомъ стекольномъ заводѣ—стоимостію въ 60 руб.;—жертва принята причтомъ, попечительствомъ, братствомъ и прихожанами съ глубокою благодарностію.

— Коллежскій ассесоръ И. К. Вобровъ пожертвовалъ къ иконѣ на горнемъ мѣстѣ большой церкви Виленскаго Пречистенскаго собора серебряную лампаду.

— Помощникомъ церковнаго старосты Слонимской соборной церкви, крестьяниномъ дер. Чемеровъ, Василиемъ Григорьевымъ Попкой, выписаны изъ Москвы къ празднику Пасхи, мѣдныя позолоченныя ризы на мѣстныя иконы Спасителя и Вожіей Матери въ главномъ иконостасѣ соборной церкви; ризы эти отличной чеканной работы, позолочены черезъ огонь, съ вѣнцами, украшенными камнями; въсѣмъ каждая въ 5 пудовъ. Къ иконамъ сдѣланы, на счетъ того же крестьянина, позолоченныя рамы съ бѣлыми стеклами.— Все это пожертвованіе крестьянина Попко, стоитъ 1090 р. Крестьянинъ этотъ и въ прежніе годы дѣлалъ пожертвованія;—съ 1870 года имъ пожертвованій было сдѣлано свыше, чѣмъ на 500 рублей.

— Некрологи. 5 іюня, въ Пожайскѣ монастырѣ скончался бывшій настоятель Супрасльскаго монастыря, архимандритъ *Викентій*.

— 15 мая, скончался заштатный священникъ Кривичской церкви, проживавшій въ г. Вилейкѣ, *Василій Мачкевичъ*, отъ старческой дряхлости. Во священника онъ былъ рукоположенъ еп. Адрианомъ въ 1811 году 11 мая; слѣдовательно, въ священническомъ санѣ онъ прожилъ 66 лѣтъ. По кривичскимъ вѣдомостямъ за 1868 годъ ему было показано уже 83 года. За штатъ уволенъ въ 1869 году.

— 8 іюня, скончался настоятель Врестской Соборной Свѣтоновской церкви протоіерей *Ипполитъ Мироновичъ* на 56 году жизни, и на 30 году священства.

— **Вакансіи—Настоятеля—при Сосновской ц. Свѣтцянскаго уѣзда, въ с. Замшанахъ—Врестскаго уѣзда, въ с. Бѣлавичахъ—Волковскаго уѣзда, въ с. Залесь—Дисненскаго уѣзда и при Врестской Соборной церкви. Помощника настоятеля—Псаломщиковъ: въ с. Верстокахъ—Врестскаго уѣзда, при Мытской ц. Лидскаго уѣзда и въ с. Бульковѣ—Кобринскаго уѣзда.**

Неофициальный Отдѣлъ.

— Въ воскресенье, 5-го сего іюня, происходила въ свято-троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ хиротонія бывшаго ректора минской духовной семинаріи, архимандрита Іаннуарія, въ санъ епископа брестскаго, второго викарія литовской епархіи. По сообщенію „Прав. Вѣстника“, посвященіе совершено преосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, съ преосвященными епископами: Гермогеномъ ладожскимъ и Варлаамомъ Выборгскимъ, викаріями с.-петербургской епархіи.

Протоіерей Андрей Софоновичъ Червяковскій.

III.

Жизнь въ с. Кошарахъ. Зачернечскій приходъ. Новый благоприятный для о. Андрея, условія жизни униатской церкви, созданныя дѣятельностью І. Сѣмашки. Жидычинецъ и его упадокъ. Отношенія къ Кириллу Сѣроцкому. Возстаніе 1831 г. и холера. Пріѣздъ преосвящ. Іосифа Сѣмашки. Должность благочиннаго. Романово и Поддубцы. Жизнь въ Поддубцахъ. Общество того времени и отношеніе къ нему о. Андрея. Униатская церковно-приходская община и неблагоприятныя условія для дѣятельности въ ней о. Андрея. Родственные отношенія о. Андрея и нѣкоторые черты его характера, обуславливавшія его дѣятельность.

Около одного года послѣ женитьбы Андрей Софоновичъ жилъ, въ прежнемъ званіи клерика, но безъ опредѣленнаго мѣста, при своемъ тестѣ въ с. Кошарахъ. Мягкая, нѣжная и вызывающая къ жизни атмосфера тихаго, ровнаго, свѣтлаго семейнаго быта въ уютномъ домѣ о. Стефана должна была послужить для Андрея Софоновича самымъ благотѣльнымъ реактивомъ противъ оставшей въ немъ тадулинской закваски, будя въ его душѣ нѣкоторые усиленные монастырскою жизнью, человѣческіе, но благородные инстинкты, растаивая ледяную кору самоотрицанія, сдавливавшую свободное движеніе сердца, усыпляя потребность суроваго и тяжкаго напряженія воли и бездѣйствіемъ размягчая ея слишкомъ крѣпкую закалку. Юная, нѣжная жена, добрая, заботливая теща, кроткій, довѣрчивый, преданный тестъ, улыбающіяся, добродушныя лица другихъ членовъ семейства, простая, но правильная и удобная сельская обстановка, не стѣсненное беззаботное житье-бытье—все и все здѣсь призывало къ наслажденію благами жизни, все манило душу, привлекая къ сумрачному уединенію въ молитвѣ и надъ книгою, развернуться, весело взглянуть на свѣтъ Божій, все влекло къ общенію и единенію съ родными, и знакомыми. Тутъ, и въ храмѣ Божіемъ,—въ благоговѣйномъ богослуженіи, совершаемомъ о. Стефаномъ, и въ набожномъ его семействѣ, религіозная душа могла находить для себя достаточно пищи; но здѣсь не было ни искушеній и соблазновъ, ни трудныхъ подвиговъ и борьбы, наполняющихъ жизнь челоѣка, обрекающего себя уединенію и исключительной заботѣ о спасеніи души. Здѣсь вниманіе устремлялось не столько на общіе, возвышенныя и отвлеченныя принципы добра и зла, вѣры и нравственности, сколько на единичныя, простыя и осязательныя явленія житейскаго обихода, на обыденныя мелочи, часто весьма важныя въ практической жизни. Здѣсь Андрей Софоновичъ могъ поближе взглянуть въ тѣ особенности религіозно-нравственной и бытовой жизни священниковъ и крестьянъ—малороссовъ, которыя не сразу могли быть замѣчены бѣлоруссомъ. Все это служило клерика хорошему практическому подготовкѣ для его самостоятельной дѣятельности въ качествѣ семьянина и сельскаго священника.

17 іюня 1828 г. онъ былъ рукоположенъ во священника преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ Пинскимъ и Туровскимъ, и скоро послѣ этого получилъ приходъ въ селѣ Зачернечѣ, Ковельскаго уѣзда, не въ далекомъ разстояніи отъ Кошаръ.

О. Андрей начиналъ свою священническую дѣятельность безбородымъ и коротковолосымъ униатомъ одѣтымъ въ длинную узкую сутану, вмѣсто широкой православной рясы; онъ выступалъ на свое дѣло въ добромъ согласіи съ охранительными существующаго церковнаго порядка, но при такихъ

предназначеніяхъ, которыя не обѣщали процвѣтанія тогдашнему строю униатской церкви. Въ тотъ самый 1828 г., въ который клерикъ Луцкой епархіи хиротонисованъ во іереи, началась реформаторская дѣятельность каноника Луцкой епархіи, униатскаго депутата во 2-мъ департаментѣ римской коллегіи, Іосифа Сѣмашки. Едва успѣли предать землѣ прахъ Іоанна Красовскаго, какъ духъ его съ новою, удвоенною силою воспріянулъ въ высшихъ сферахъ управленія униатской церкви. Униатская администрація эманципируется отъ римско-католической, униатскія чинопослѣдованія и совершеніе богослуженія въ униатскихъ церквахъ отдѣляется отъ обряда и богослуженія въ латинопольскихъ храмахъ. Мало того, — базилиане теряютъ свое первенствующее значеніе, и церковноадминистративная жизнь находитъ свое средоточіе въ средѣ бѣлаго духовенства. Всѣ эти преобразованія вводились подъ покровительство сильнаго и зоркаго правительства, которое мудро было своротить съ его пути какими либо ловкими интригами. Подготовка о. Андрея, оперившагося, такъ сказать, подъ крыломъ Іоанна Красовскаго, вполне соответствовала тѣмъ новымъ задачамъ, какія, вслѣдствіе этихъ реформъ, возникали для униатскаго священника въ его церковно-приходской дѣятельности. Выходъ его изъ монастыря, лѣтъ 6 тому назадъ, оказывался теперь весьма удачнымъ шагомъ, въ виду тѣхъ ограничительныхъ и прямо стѣснительныхъ мѣръ, предметомъ которыхъ сдѣлались базилиане и ихъ монастыри. Приобрѣтенный же имъ навыкъ дѣйствовать по почину начальства, съ строгимъ соблюденіемъ его предписаній, оказывался весьма пригоднымъ, когда стояла надобность проводить въ жизнь идеи, не весьма униатами раздѣляемыя, осуществлять мѣры, выработанныя, хотя и весьма практично, но въ кабинетѣ, передовыми дѣятелями униі. Образование и развитіе Андрея Софоновича дѣлали его вполне способнымъ быть чуткимъ и воспримчивымъ къ мыслямъ и начинаніямъ вожаконъ возрожденія православія въ униатской средѣ, вполне пригоднымъ служить, когда это было нужно, посредникомъ между этой средою и ея духовными вождями. Преосвященный Кириллъ, узнавшій о. Андрея еще ранѣе и рукоположившій его въ іереи, не могъ не замѣтить, что это человѣкъ, вполне отвѣчающій новому церковно-административному духу, повѣявшему изъ униатской коллегіи въ Петербургъ; зналъ это, быть можетъ, и Іосифъ Сѣмашко. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, молодой о. Андрей, въ 1830 г., изъ захолустнаго Зачернечья вдругъ былъ выдвинутъ помощникомъ настоятеля Жидычинской церкви. Настоятелемъ былъ престарѣлый каноникъ прелатъ Ермолинскій. Заслуженный старикъ проживалъ въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Жидычина, на берегу Стыри, и мало имѣлъ охоты серьезно входить въ управленіе приходомъ и дѣлать нововведенія въ церковной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ считался членомъ консисторіи и, быть можетъ, имѣлъ кое какія занятія по этой своей должности. Надо замѣтить, что въ свое время Жидычинъ на Волыни былъ чѣмъ то въ родѣ того, чѣмъ были Жировицы въ Литвѣ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Расположенное верстахъ въ 5 отъ Луцка, это мѣстечко, такъ же не богатое обывателями, какъ Жировицы, служило мѣстопробываніемъ епархіальныхъ властей семинаріи и консисторіи. Но къ тому времени, какъ о. Андрей былъ опредѣленъ помощникомъ Ермолинскаго, Жидычинъ уже потерялъ свое значеніе; Іосифъ Сѣмашко, очевидно, не желалъ влиять новаго вина въ старые мѣхи и передвинулъ центръ управленія преобразуемой униатской церкви изъ Луцка и Жидычина въ Жировицы, гдѣ устроена и духовная семина-

рія. Можетъ быть, мудрый епископъ имѣлъ при этомъ въ виду, между прочимъ, и то обстоятельство, что не славенъ пророкъ въ своемъ отечествѣ; между тѣмъ, Жидычинъ и Луцкъ были ему хорошо знакомы, да и его коротко знали тамошніе жители; здѣсь отлично помнили его дѣятельность въ качествѣ учителя мѣстной униатской семинаріи, или инструктора, знали его запросто, фамиліарно; такъ, на примѣръ, дѣвицамъ было достоверно извѣстно, что онъ игралъ на гитарѣ и пѣвалъ романсъ: *Dla mojego szczęcia nie wiele potrzeba: poszciewego chlopca i kawalek chleba* и т. п. Излишне было бы говорить, что это нисколько не мѣшало ему пользоваться величайшимъ уваженіемъ; но все таки память былого фамиліарнаго знакомства была ему теперь лишняя. Равнымъ образомъ едва ли надо говорить, что были другія, важныя причины перенесенія мѣстопробыванія епархіальной власти изъ Жидычина въ Жировицы, каковы, на примѣръ: удаленность Жидычина отъ сѣверныхъ частей епархіи и болѣе удобное, въ этомъ отношеніи, положеніе Жировицъ съ одной стороны и потребность находиться епархіальной власти ближе къ тому мѣсту, гдѣ требуется болѣе энергическая и настоятельная ея дѣятельность съ другой. Какъ бы то ни было, но значеніе Жидычина упало и онъ опустѣлъ. Правда, сверхъ отживающаго свой вѣкъ каноника прелата Ермолинскаго, здѣсь жило еще такое крупное лицо, какъ преосвященный Кириллъ еп. Пинскій и Туровскій; но это означало только то, что онъ пережилъ свое значеніе, что и его звѣзда закатилась; бывшій глава партіи недовольныхъ стремленіями Іоанна Красовскаго, онъ тѣмъ болѣе не могъ стоять рядомъ съ Іосифомъ Сѣмашкой; онъ былъ еще не старый и здоровый человѣкъ, но убѣжденія его очень мало подходили къ новымъ потребностямъ жизни униатской церкви, и дѣятельность его почти исключительно вращалась въ комиссіи по управленію обширными побазиліанскими имѣніями въ Овручѣ и около Жидычина. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ дядя Софіи Степановны, Овручскій протоіерей Іоаннъ Рафальскій, что не мало могло содѣйствовать хорошимъ отношеніямъ, какія установились между преосвященнымъ Кирилломъ и о. Андреемъ, не смотря на разность ихъ положеній, лѣтъ, направленій.

О. Андрей поселился въ опустѣвшемъ зданіи униатской консисторіи. Время было довольно бурное, неспокойное; не только шла перетасовка въ униатской церкви, но совершался болѣзненный, острый кризисъ въ государственнополитической сферѣ было въ разгарѣ польское возстаніе. Въ укроинномъ Жидычинѣ, впрочемъ, глухо отдавались тревоги военнаго положенія и раскаты бранныхъ громовъ. Во время грозы, въ темныхъ нѣдрахъ тучъ, откуда сверкаютъ молніи и исторгаются перуны, бываетъ едва ли не покойнѣе, чѣмъ внизу, подъ облаками. Точно такъ же, въ грозу возстанія 1831 г., униатамъ, которые по существу принадлежали къ польскому обществу и на которыхъ долженъ былъ весьма осязательно отразиться результатъ остраго политическаго перелома, совершавшагося въ семь, обществѣ униатамъ, по крайней мѣрѣ, въ Луцкомъ уѣздѣ, сравнительно, было покойно; русскіе ихъ не трогали, потому что они не были возстанцами; поляки ихъ покровительствовали, потому что считали своими. Тѣмъ не менѣе, еще до начала бури, въ виду отдаленности Жидычина отъ Кошаръ и въ виду неизвѣстности и ненадежности состоянія политической атмосферы, о. Андрей отправилъ жену къ ея родителямъ и самъ остался одиночествовать въ Жидычинѣ. Во время этого одиночества онъ еще ближе сошелся съ преосвящ. Кирилломъ; онъ почти не держалъ своего домаш-

нито хозяйства, и обѣдалъ заодно съ обязательнымъ преосвященнымъ. Но скоро этотъ забытый епископъ совсѣмъ сошелъ со сцены, онъ умеръ отъ холеры, которая прибрала съ Божьяго свѣта и многихъ другихъ приверженцевъ уніи, въ томъ числѣ Луцкаго благочиннаго Вучинскаго и Олыкского дзекана Жирицкаго. Померъ и старикъ Ермолинскій. Такимъ то образомъ всеустривающее время, и серпомъ войны, и косою смерти, росчищало для новыхъ работниковъ поле общественной дѣятельности. Миновалась политическая буря, и оказалось, что поляки выбиты изъ своихъ позицій на всѣхъ пунктахъ: они проиграли свои свободныя общественнополитическія учрежденія и погубили свой Виленскій университетъ и Кременецкій лицей. На потерянныя ими позиціяхъ, вслѣдъ за тѣмъ появляются новыя лица, тихую, мирную, но настойчивую и послѣдовательную работою довершающія дѣло, удачно начатое вооруженными силами государства, и во главѣ этихъ работниковъ оказывается Іосифъ Сѣмашко съ своею преобразованною семинаріею и съ своими преобразовательными мѣрами. Внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ въ своей обширной епархіи, преосвященный Іосифъ посѣтилъ около этого времени и Жидычинь. Нечего и говорить, что его пріѣздъ произвелъ большое впечатлѣніе на Луцкихъ Жидычинскихъ уніатовъ; всѣ чуяли въ этомъ знакомомъ имъ человѣкѣ великую церковноадминистративную силу и старались отгадать, какими еще дѣйствіями проявитъ себя эта сила въ области церковноприходской жизни. О. Андрей представился преосвященному и былъ имъ облаканъ. Прозорливый пастырь безъ труда, конечно, понялъ, что за человѣкъ о. Андрей; пригласивъ его съ собою на прогулку, онъ посадилъ его рядомъ съ собою въ каретѣ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, изъ котораго поближе узналъ молодого приверженца православнаго обряда и, посвятивъ его, на сколько то было нужно, въ свои виды, не преминулъ ободрить его и ободрить своимъ вниманіемъ и поддержкою. Скоро о. Андрей, оставаясь на своемъ мѣстѣ въ м. Жидычинѣ, былъ сдѣланъ Луцкимъ благочиннымъ и завѣдывалъ въ тоже время уніатскими благочиніями Олыкскимъ, Дубенскимъ, Козинскимъ и Кременецкимъ. Кромѣ печати съ надписью: „печать Олыкского грекоунитскаго дзекана“, у меня не было подъ руками никакихъ памятниковъ тогдашней дѣятельности о. Андрея въ обширномъ районѣ поименованныхъ благочиній; но надо полагать, не даромъ мудрый Іосифъ Сѣмашко оказывалъ ему такое довѣріе и возлагалъ на него такую сложную административную задачу. На мѣсто умершаго Ермолинскаго назначенъ былъ магистръ богословія протоіерей Оленичъ; но онъ былъ только настоятелемъ Жидычинскаго прихода, а благочиннымъ оставался о. Андрей. Я думаю, что преосвященный Сѣмашко цѣнилъ въ о. Андреѣ сколько его направленіе и умъ, столько же и еще гораздо болѣе его твердую волю, характеръ и энергію, — качества, наиболѣе важныя въ второстепенномъ дѣятелѣ въ эпоху преобразования уніи.

Въ 1833 г. о. Андрей переведенъ на самостоятельный приходъ въ село *Романово*. Вслѣдъ затѣмъ, когда былъ упраздненъ Базиліанскій монастырь въ с. *Поддубцахъ*, въ Романову присоединенъ Поддубецкій приходъ. Тамъ оставалось теперь свободнымъ недурное помонастырское зданіе, при которомъ находился обширный и прекрасный фруктовый садъ, гдѣ можно было найти не только разнообразныя сорта яблоковъ, грушъ, вишенъ, сливъ, но и виноградъ и крупныя грецкія орѣхи. Такъ какъ дѣлатель достоинъ своей награды, то о. Андрею позволено было перенести свое мѣсто-

пребываніе въ Поддубцы, въ помонастырское зданіе; въ Романовѣ же, для завѣдыванія тамошней церковью, онъ, въ послѣдствіи, имѣлъ помощника. Такимъ образомъ дѣятельный священникъ и благочинный отчасти пожиналъ уже плоды своей дѣятельности; только 5—6 лѣтъ прошло со времени его рукоположенія, и вотъ онъ уже имѣетъ прекрасный приходъ, управляетъ пятью благочиніями, пользуется особеннымъ довѣріемъ епархіальнаго начальника. Я не имѣлъ въ рукахъ современныхъ дѣлъ тѣхъ благочиній, которыми завѣдывалъ о. Андрей, и, не могу судить о томъ, много ли хлопотъ и непріятностей пришлось ему перенести въ это время и сколько пользы принесъ онъ своею дѣятельностію; но думаю, что это было едва ли не лучшее время въ жизни о. Андрея. Трудомъ онъ не тяготился и тѣмъ болѣе не былъ подавленъ; хотя онъ управлялъ пятью благочиніями, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти благочинія были не велики, ибо они состояли исключительно изъ уніатскихъ церквей, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними существовало не малое количество такъ называемыхъ древлеправославныхъ приходовъ т. е. воссоединенныхъ при Екаторинѣ II. Далѣе, о. Андрею приходилось быть піонеромъ православія въ уніатскихъ благочиніяхъ; эта піонерская дѣятельность вращалась главнымъ образомъ около церковной обстановки и способа совершенія богослужебныхъ послѣдованій; такъ на примѣръ, одно изъ самыхъ трудныхъ преобразованій состояло въ устройствѣ иконостасовъ, которыхъ въ ту пору не было въ уніатскихъ церквахъ, устроенныхъ по образу католическихъ. Такое переустройство церквей вовсе не было легкимъ дѣломъ; но при рѣшительномъ и твердомъ характерѣ, при сильной волѣ и настойчивости, о. Андрею не трудно было дѣйствовать на уніатскихъ священниковъ въ пользу нововведеній, получившихъ санкцію высшаго церковнаго начальства; а убѣждать народъ въ законности и необходимости нововведеній—было дѣломъ не столько благочиннаго, сколько настоятеля приходовъ. И такъ, о. Андрей могъ успешно справляться съ своею работою, не изнемая подъ ея тяжестью.—Ему было тогда около 30 лѣтъ и онъ былъ въ цвѣтѣ силы и здоровья. У него была уже семья, но еще небольшая—онъ имѣлъ двое дѣтей; и жена и дѣти были здоровы. Жить они могли въ довольствѣ и достаткѣ; приходъ былъ богатый и притомъ у нихъ былъ свой полный хозяйственный инвентарь,—и вола, и коровы, и лошади и т. под. О. Андрей былъ занятъ то церковною службою, то исправленіемъ требъ, то своими благочинническими дѣлами; Софія Степанова занималась дѣтьми и хозяйствомъ; слѣдовательно, у каждаго изъ супруговъ было довольно пищи для его дѣятельности, и скука не могла свить себѣ гнѣзда подъ ихъ кровомъ. Застой и однообразіе равнымъ образомъ не могли отравлять ихъ жизни,—у нихъ было свое общество, и притомъ общество достаточно—численное и разнообразное, даромъ что они жили въ селѣ.

Тогдашнее общество, повидимому, все еще дѣлилось, по старому, на два большіе лагеря: къ одному принадлежала шляхта или образованные люди, къ другому—простолюди; въ каждомъ изъ этихъ лагерей, какъ и прежде, въ пору процвѣтанія аристократической Речи Посполитой, была своя особенная жизнь. Уніатскій сельскій священникъ являлся въ нѣкоторомъ родѣ гражданиномъ двухъ міровъ; хотя по задачѣ своей пастырской дѣятельности онъ вращался преимущественно въ сферѣ крестьянской и близко принималъ къ сердцу ея интересы, дѣлил ея радость и горе, тѣмъ не менѣе по своему образованію и сану онъ принадлежалъ къ

шляхетному (благородному) обществу. Мало того, экономическое положеніе уніатскаго плебана (сельскаго священника) представляло не мало сходства съ положеніемъ помѣщиковъ; не получая жалованья, но имѣя въ своемъ пользованіи пахатную землю, роши, выгоны и сѣнжати, владѣя собственнымъ сельско хозяйственнымъ инвентаремъ, т. е. имѣя своихъ лошадей, коровъ, воловъ, овецъ и т. п., а нерѣдко и своихъ крѣпостныхъ людей, живя, притомъ отчасти, на счетъ труда своихъ прихожанъ, уніатскій священникъ, очевидно, былъ до нѣкоторой степени солидаренъ съ помѣщиками и мелкою шляхтою въ своихъ экономическихъ интересахъ. У о. Андрея не было крѣпостныхъ; но была крѣпостная служанка, впоследствии отпущенная на волю, купленная въ ту пору за 30 рублей сер., у Софіи Степановны. Въ качествѣ бритаго, стриженаго и облеченнаго въ сутану плебана, совершенно сходнаго по наружности съ католическими парохами (настоятелями), о. Андрей водилъ знакомство и съ ксендзами, и съ польскими обывателями, и съ ихъ управляющими, и съ сосѣдними уніатскими и древлеправославными священниками, и съ коренными великоруссами военными офицерами. И онъ самъ, и его жена считались принадлежащими къ польскому обществу и, строго говоря, въ дѣйствительности принадлежали къ нему по своему образованію, и не могли пока не принадлежать. Польскіе помѣщики не всегда, покрайней мѣрѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на чужихъ; напротивъ они нерѣдко относились къ нимъ, какъ къ своимъ, и все еще, повидимому, не хотѣли убѣдиться, что эти свои, не сегодня завтра, совершенно выдѣлятся отъ нихъ и образуютъ особое общество, хотя это было уже послѣ возстанія 1831 г. Вотъ примѣръ. Въ Поддубцахъ не было костела. Между тѣмъ въ нихъ жилъ помѣщикъ-католикъ Васильковский, занимавшійся, между прочимъ, и адвокатскою практикою. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, этотъ помѣщикъ, еще недавно переродившійся въ польскаго шляхтича, пріѣзжалъ къ богослуженію въ мѣстную церковь и даже участвовалъ въ пѣніи на клиросѣ; притомъ онъ пріѣзжалъ не одинъ, а съ семействомъ и съ такъ называемы децентами, т. е. молодыми людьми, помѣщичьими сыновьями, готовящимися подъ его руководствомъ къ занятію адвокатурою. Послѣ этого неудивительно, если тотъ же Васильковский, или другіе сосѣди помѣщики, или фермеры, какъ Эйсмонта, Ящолты, Долинскіе, Перитіатковичи, Трибуховскіе, бывали иногда то одни, то съ семействами, у о. Андрея, и наоборотъ о. Андрей, а подчасъ и его семейство, бывали у нихъ. Само собою понятно, что такіе визиты дѣлались не изъ одной платонической любезности, а болѣе по соприкосновенности интересовъ и дѣлъ, такъ какъ помѣщики и священники жили на одной и той же землѣ, среди одного и того же народа и т. д. тѣмъ не менѣе эти полудѣловыя, полутоварищесвенныя связи доходили иногда до хорошихъ дружественныхъ отношеній, при чемъ шляхетная любезность гонимыхъ землевладѣльцевъ переходила въ истинную готовность помочь, услужить своимъ уніатскимъ добрымъ знакомымъ. Сверхъ польскихъ помѣщиковъ, о. Андрей водилъ хлѣбъ-соль съ товарищемъ по Виленскому университету, ксендзомъ Варховскимъ, который не въ дальнемъ разстояніи отъ Поддубецъ имѣлъ свою парашу (приходъ). Излишне и говорить, что еще болѣе поддѣрживались товарищесвенныя связи съ своими соуніатами священниками. Хорошими также знакомыми считались въ семьѣ о. Андрея и сосѣдніе древлеправославные священники, Колядинскій и еще какой-то другой, а равно и помощникъ

о. Андрея по Романовскому приходу священникъ Рыжовскій, который хотя и былъ уніатомъ, но воспитаніе получилъ въ древлеправославной семинаріи въ м. Анапольѣ (по рассказамъ о. Рыжовскаго древлеправославные анапольскіе семинаристы смѣялись надъ его уніатствомъ, совѣтуя ему „папу поцѣловать въ лапу“). Наконецъ, бывали „у батюшки“ уніатскаго и чистые великоруссы—офицеры какого то полка, расположеннаго въ этой мѣстности хотя, быть можетъ, они менѣе другихъ чувствовали себя здѣсь въ своей тарелкѣ. Все это общество, какъ оно ни было разношерстно, все еще могло соединяться въ одинъ кругъ, во имя товарищесвенности, гражданственности, образованія; все оно говорило попольски; только заброшенные сюда офицеры-великоруссы объяснялись порусски, но всѣми силами старались понимать своихъ польскихъ собесѣдниковъ и быть, съ своей стороны, понятными для нихъ. Впрочемъ, связь между элементами этого общества не на столько была сильна, чтобы они расположены были встрѣчаться въ одномъ и томъ же товарищесвенномъ кругу, въ одно и тоже время, ибо не было того взаимнаго довѣрія и доброжелательства, которыя могли бы сомкнуть всѣ эти элементы въ одну общую цѣпь и оживить ее токомъ общихъ стремленій, общей жизни; напротивъ, въ сущности, здѣсь всѣ тянули врознь, а по крайней мѣрѣ, направленія уніата—вводителя православнаго обряда и помѣщиковъ-католиковъ были діаметрально противоположны, хотя это безъ крайней нужды и не обнаруживалось. Но близокъ былъ часъ, когда во имя вѣры и народности неминуемо долженъ былъ послѣдовать рѣшительный разрывъ между противоположностями, скрывавшимися подъ личиною гуманной, любезной, толерантной товарищесвенности. О. Андрей, конечно, хорошо понималъ это и поддерживая связи съ людьми, не думалъ искать для себя въ своей дѣятельности опоры въ томъ обществѣ, гдѣ уже происходила глухая борьба, гдѣ каждый съ недоувѣріемъ глядѣлъ на другаго и каждый оставался болѣе или менѣе одинокомъ. Вѣдь произошло уже глубокое раздѣленіе между народомъ и землевладѣльцами, послѣдовалъ явный разрывъ между уніатами и древлеправославными; теперь—это было ясно нужно было ожидать еще большей розни между членами этого фиктивнаго общества, той розни, гдѣ братъ возстаетъ противъ брата, сестра противъ сестры, гдѣ дѣти отрекаются отъ родителей и родители чужаются родныхъ дѣтей, что впрочемъ бывало и ранѣе въ западнорусскомъ обществѣ. Въ русско-польско-литовско-жидовскій общественный конгломератъ вошелъ новый, чисто русскій, государственно-политическій элементъ; производя сильное притяженіе на родственную ему крестьянскую массу, вызвавъ раздѣленіе между уніатами и не уніатами, между уніатами и католиками, отталкивая и подавляя соціальнополитическую силу шляхты, теперь этотъ крѣпкій русскій элементъ, послѣ государственно-политическаго переворота 1831 г., готовился произвести еще церковно политическій переворотъ 1839 г., и подготовленіе къ нему было уже въ полномъ разгарѣ, хотя и не для всѣхъ это было ясно. Сверхъ тѣхъ мѣръ къ сближенію уніи съ православіемъ, какія были приняты въ 1828 г., рѣшено было, на уніатскомъ соборѣ въ Петербургѣ въ 1834 г., ввести въ уніатскихъ церквяхъ богослужебныя книги Московской печати и весь православный обрядъ. О. Андрей былъ одинъ изъ второстепенныхъ, невидныхъ, но тѣмъ не менѣе ошутительно дѣйствующихъ рычаговъ этого подготавливаемаго переворота въ средѣ тогдашняго общества въ районѣ ввѣренныхъ ему благочиній. Дѣло было вовсе не въ отмѣнѣ ка-

толическихъ колокольчиковъ и колѣнопреклоненій при богослуженіи, и не въ переустройствѣ алтарной части уніатскихъ храмовъ: это были обрядовыя мелочи, на счетъ значенія которыхъ не могъ обманываться образованный человѣкъ, молившійся одному и тому же Богу и въ православной церкви, и въ уніатскомъ храмѣ, и въ католическомъ костелѣ; дѣло было въ церковнополитическомъ пересозданіи приходскихъ общинъ, въ вытѣсненіи изъ нихъ господствующаго католическопольскаго принципа и въ замѣщеніи его православно-русскимъ образующимъ началомъ. При такомъ положеніи дѣла, благочинный уніатскихъ церквей являлся серьезнымъ церковнополитическимъ дѣятелемъ въ средѣ мѣстнаго общества,—общества еще совершенно польскаго. Могъ ли онъ быть довѣрчивымъ и откровеннымъ, ведя дружескую бесѣду съ ксендзомъ Варховскимъ или съ паномъ Ящолтомъ, или какимъ либо другимъ помѣщикомъ или посессоромъ? могъ ли довѣряться даже соуніатамъ охранительнаго характера, или древлеправославнымъ, уже достигшимъ мирной пристани единенія съ великорусскою церковью и избавившимся отъ необходимости осторожно разыгрывать тонкія политическія роли, или наивнымъ и безхитростнымъ заѣзжимъ великоруссамъ-офицерамъ, совсѣмъ не понимавшимъ, что тутъ творится и дѣется? Могъ ли онъ не чувствовать себя одинокимъ среди безконечнаго маскарада и могла ли не развиться въ немъ, не говоря уже о сдержанности и осторожности, нѣкоторая мнительность и подозрительность въ отношеніяхъ съ людьми? И благо бы ему приходилось дѣйствовать на родинѣ, гдѣ онъ могъ бы довѣряться хоть отцу и матери; а то поприщемъ его дѣятельности была незнакомая ему Волынь. Очевидно, онъ никому не могъ здѣсь довѣряться, кромѣ своего духовнаго начальства, которому былъ безотчетно преданъ. Что же касается общества, то въ немъ можно было нѣсколько освѣжаться, осторожно обмѣливаясь мыслями, почеловѣчески коротая время, обдѣлывая разные мелкія дѣлишки хозяйственнаго характера и т. п. Но жить въ этомъ обществѣ можно было только про себя, *an sich und für sich*.

Совершенно другой характеръ, сравнительно съ шляхетнымъ обществомъ, носила уніатская церковноприходская община. Состоя изъ крестьянъ земледельцевъ одного племени, она была однородна и болѣе-менѣе единодушна. Она плохо была поставлена въ томъ отношеніи, что все, что изъ нея выходило, попадало въ польскую сферу и дѣлалось польскимъ и католическимъ, благодаря пеннѣнью для нея выхода въ торгово-промышленное сословіе, состоявшее исключительно изъ евреевъ. Но сама по себѣ, эта крестьянская община была проникнута своимъ независимымъ малорусскимъ духомъ, почти одинаково чуждаясь какъ „ляховъ“, такъ и „качановъ“, но оставаясь неизмѣнно вѣрною правительству. Она была почти совершенно безграмотна, но это нисколько не мѣшало ей быть набожною и благоговѣйною, и даже еще болѣе, чѣмъ сколько она отличается этими качествами нынѣ, сдѣлавшись православною. Среди шляхетскаго общества православный священникъ сильнѣе чувствовалъ свою солидарность съ нею, тѣмъ болѣе, что онъ, не получая жалованья, жилъ съ нею до нѣкоторой степени заодно; а такая близость священника къ прихожанамъ была, конечно, полезна для нихъ. Проповѣданіе католичества и распространеніе православія одинаково держали уніатовъ насторожѣ въ отношеніи къ цѣлости и неприкосновенности ихъ вѣры и обряда, отъ чего ихъ религиозное развитіе могло только выигрывать. Если католическіе ксендзы собирались на юбилей, въ родѣ того, какой

былъ объявленъ папой въ 1825 г., то и уніатскіе священники прислушивались къ ихъ проповѣдямъ и старались и сами не отставать въ проповѣдномъ дѣлѣ. Но русскій крестьянскій людъ всегда болѣе поучался церковною пѣсню и обстановкою, чѣмъ проповѣднымъ словомъ. Лырки у церковныхъ дверей и благочестивые крестьяне у себя дома распѣвали набожныя пѣсни, гдѣ на понятномъ, родномъ языкѣ излагались и догматы церковныя, и христіанское правоученіе, и исторія. Таковы, напримѣръ, были пѣсни: „Троица Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый—Богъ единъ въ Троицѣ: такъ всимъ треба знати“, или „прійде година для всихъ едина, еда ся разлучати тѣлу съ душою“, или та историческая пѣсня, гдѣ описывается, какъ Турки и Татары „зъ Збаража града въ Почаевъ пришли, много народу христіанъ знайшли; стали браму штурмовати, христіановъ у неволю брати: не допустила ихъ Вожа Матерь“; какъ при этомъ Турки и Татары Матерь Божию „божкомъ назвали“, и какъ совершилось чудо: „на повитру стоить божокъ (т. е. Матерь Божию), а за божкомъ много войска (т. е. Ангеловъ),—нейдетъ землею, но облаками“, и т. п. Всѣ эти пѣсни, которыхъ такъ много было въ старыхъ „Богосланикахъ“, хотя и не были канонизованы церковью, тѣмъ не менѣе, поддерживая и питая благочестивую мысль и чувства, приносили болѣе пользы для религіознаго развитія, чѣмъ наши сухія проповѣди. Въ самыхъ церквахъ народъ принималъ болѣе дѣятельное участіе въ богослуженіи, подпѣвая и здѣсь, вмѣстѣ съ клиромъ, понятныя канты и пѣсни, въ родѣ „о всепѣтая Мати“, или пѣсни о торжествѣ неба и земли по поводу рождества І. Христа, или по поводу Его воскресенія. Все это у насъ нынѣ выведено изъ приходской практики, такъ какъ во всемъ этомъ были спеціальноуніатскія примѣсы; тѣмъ не менѣе, кажется, во всемъ этомъ было много хорошаго; мало того, можно думать, что появленіе и распространеніе духовныхъ народныхъ пѣсней было выраженіемъ совершенно правильнаго духовнаго развитія (чѣмъ, конечно, я не имѣю въ виду оправдывать уніатскія примѣсы, какъ явленіе случайное), и едва ли мы сдѣлали шагъ впередъ, а не назадъ, уничтоживъ эти пѣсни, едва ли мы не исторгли, въ этомъ случаѣ, изъ народной нивы, вмѣстѣ съ нѣсколькими плевелами, и доброкачественную пшеницу. Это мое частное мнѣніе, и очень можетъ быть—ошибочное; но мнѣ кажется, что сближеніе съ католицизмомъ имѣло для уніатовъ ту хорошую сторону, что въ нихъ замѣтно стало стремленіе, для болѣе успѣшнаго примѣненія въ своей жизни того, что требуется сверхъчувственною религіею, низводить небесное изъ его сверхъестественной выси, недоступной для насъ, въ сферу болѣе близкую для нашего пониманія и чувства, т. е. передавать догматы и правила христіанства въ формѣ не только понятной народу, но и говорящей его чувству. Вотъ почему и были важны духовныя пѣсни уніатовъ. Въ крайнемъ развитіи это ведетъ къ безпорядочному смѣшенію земнаго съ небеснымъ, какъ это иногда замѣчается у католиковъ. Но отсутствіе такого сближенія, сдѣланнаго въ народномъ духѣ—стѣ тоже крайность, отзывающаяся нѣкоторою парализаціею религіознаго чувства. У насъ есть это сближеніе, но оно слишкомъ мало развито: мы слишкомъ отвлеченно представляемъ себѣ всѣ предметы вѣры: у насъ Богъ не лордъ, какъ у англичанъ, не сейнборъ, какъ у французовъ, не панъ, какъ у поляковъ,—Онъ у насъ Господь, а не Господицъ; мы представляемъ въ величественныхъ и прекрасныхъ образахъ и событія, и истины христіанства, но это не наши образы, не наше творчество,—

все это создано духомъ грековъ—византійцевъ. Какъ бы то ни было, въ пѣніи духовныхъ стиховъ и кантовъ, отвѣчающихъ народному духу и развитію, выражалось *активное* участіе прихожанъ въ общественныхъ молитвословіяхъ. Такъ же активно они относились и къ церковной обстановкѣ. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ крестьяне смотрятъ на церковь, какъ на свою неотъемлемую собственность, какъ на свое любимое дѣтище. Точно тоже было и тогда на Волыни. Малороссы не были, подобно великороссамъ, привычны ставить передъ иконами множество свѣчъ, хотя у нихъ существовали братства, сами дѣлавшія свѣчи для церковнаго употребленія, и хотя члены братства, какъ это видимъ и нынѣ, во время обѣдни зажигали свси длинныя свѣчи и держали въ рукахъ. Но за то они имѣли въ церквахъ свои братскія хоругви и иконы, которыя украшали разными привѣсками и украшеніями, въ знакъ переживаемаго горя или радости. Они крѣпко любили церковную обрядность, которая служила для нихъ нагляднымъ исповѣданіемъ ихъ вѣры. Но въ эту обрядность, подобно тому, какъ въ духовныя пѣсни, католическая пропаганда внесла много католическаго: иконостасовъ не было; за то было по нѣскольку престоловъ и на каждомъ изъ нихъ можно было совершать по нѣскольку литургій; священники ходили въ сутанахъ, бритье и стриженье, свѣщеносцы—въ комжахъ, т. е. короткихъ бѣлыхъ рубахахъ, важные моменты богослуженія возвѣщались звономъ ручныхъ колокольчиковъ и колѣнопреклоненіями; въ колокола звонили съ раскатомъ и т. п. Все это было введено послѣ продолжительной и упорной борьбы, но, разъ бывъ принято, наконецъ, въ приходскую практику, свято чтилось и поддерживалось прихожанами, какъ принятое по преданію, освященное обычаемъ. Между тѣмъ, эти отступленія отъ православнаго обряда служили символами единенія съ католическо-польскою церковью и тормозили единеніе русскихъ униатовъ съ русскими православными. Что въ школѣ польской языкъ, то въ храмѣ католическій обрядъ одинаково служили общественнополитическою вывѣскою, носили характеръ, враждебный православнорусской общественности и государственности и поэтому подлежали отиженію и уничтоженію. Въ принципѣ, это было дѣло рѣшенное уже и весь вопросъ состоялъ только въ времени и способѣ осуществленія этого рѣшенія. Въ этомъ отношеніи второстепенному дѣятелю возрожденію православнаго обряда въ униатскихъ церквахъ выпадала на долю весьма трудная работа, сопряженная со множествомъ непріятностей и требующая крѣпкой настойчивости, и мудрой изворотливости, и умѣнія выжидать, и искусства пользоваться благоприятною минутою.

Нельзя сказать, чтобы о. Андрей стоялъ въ выгодныхъ условіяхъ къ церковно-приходской общинѣ. Онъ былъ не малороссъ и могъ не освоиться до тонкости со всѣми мелочами и особенностями приходскаго быта малорусскихъ униатовъ, а это не могло служить въ пользу его вліянія на прихожанъ и не располагало ихъ въ его пользу. Они не были для него на столько близкими, на сколько могли быть близки въ отношеніи къ священнику изъ коренныхъ волынцевъ, что, конечно, не могло способствовать взаимному чувству между нимъ и его прихожанами. Они были нѣсколько замкнуты, лукавы и недобѣрчивы, по историческимъ причинамъ; о. Андрей, съ своей стороны, былъ сильно сосредоточенъ въ самомъ себѣ, мнительнъ и неуверенъ въ людяхъ; а такое взаимное недоверіе и отчужденность не могли содѣйствовать добрымъ сердечнымъ отношеніямъ. О. Андрей былъ молодъ, настойчивъ и иногда стремительно

рѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ, какъ его прихожане уважали лѣта и старость, и по общему свойству многихъ малороссовъ, были упрямы и крайне не уступчивы, коснонеподвижны въ тупомъ противодѣйствіи неодолимымъ ими мѣрамъ. Наконецъ, по своему развитію и по своимъ связямъ съ мѣстными представителями образованнаго общества, о. Андрей стоялъ слишкомъ высоко по отношенію къ своему приходу и ему могло быть весьма трудно приноравливаться къ ихъ понятіямъ и являться солидарнымъ съ ними въ ихъ потребностяхъ и нуждахъ, радостяхъ и печаляхъ. Все это крайне усложняло и затрудняло задачу церковноприходской дѣятельности о. Андрея, такъ какъ предоставляло ему возможность вліять на своихъ прихожанъ скорѣе внѣшне, грузно и тяжело, механически, чѣмъ духовно, сердечно, увлекая, органически. Онъ и въ средѣ своихъ прихожанъ долженъ былъ чувствовать себя болѣе или менѣе одинокимъ, словно среди чужихъ.

Одиночество это, или вѣрнѣе—этотъ недостатокъ прочныхъ и глубокихъ товарищескихъ связей съ приходскою общиною и съ мѣстнымъ образованнымъ обществомъ, должны были давать о. Андрею сильнѣе чувствовать потребность въ живомъ и тѣсномъ общеніи съ своими родными, покинутыми въ Бѣлорусіи. Но, случайно, повидимому, занесенный житейскою волною на Волынь,—страну далекую отъ Витебска (по тому времени, когда не знали еще желѣзныхъ дорогъ), не намѣренно, быть можетъ, свивши себѣ именно здѣсь, около Луцка, свое гнѣздо и пристроившись къ мѣсту, о. Андрей такъ оторвался отъ своей родины, что, кажется, почти совершенно прекратилъ съ нею сношенія, словно нашелъ себѣ тутъ второй Тадулинскій монастырь. Лишь изрѣдка обмѣнивался онъ письмами съ родителями изъ своего прекраснаго далека, но и эти письма отличались большою краткостію. Это зависѣло не отъ недостатка сыновней привязанности, но свидѣтельствовало о недостаточной живости родственнаго чувства, нѣкоторой зачухлости силы родоваго, семейственнаго единенія съ своими кровными. Слабость связей съ бѣлорусскими родными не выкупалась оживленностью сношеній съ родственниками жены. Теперь о. Андрей жилъ на разстояніи верстъ 70—100 отъ Кошаръ и, занятый дѣлами настоятельскими и благочинническими, не чувствовалъ особенной потребности въ частыхъ сношеніяхъ съ родителями жены; онъ ихъ узналъ коротко, съумѣлъ сойтись и не имѣлъ съ ними никакихъ недоразумѣній, но уже не находилъ живаго интереса въ постоянномъ общеніи съ ними; если случалось что либо особенное (какъ родины и крестьяны, болѣзнь, происшествіе и т. п.), онъ аккуратно извѣщалъ ихъ, но поддерживать частую корреспонденцію при обычномъ, будничномъ теченіи жизни, казалось ему излишнимъ. Притомъ о. Стефанъ былъ человекъ совсѣмъ иного направленія, чѣмъ о. Андрей, и хотя прямо не возражалъ противъ нововведеній въ церковномъ обрядѣ, но не могъ ихъ одобрить. Впрочемъ были между родственниками о. Стефана и пряные послѣдователи новаго православнаго направленія. Къ числу ихъ принадлежалъ каменнокоширскій благочинный Гончевскій и архіепископъ варшавскій Антоній Рафальскій. Пресвященный Антоній какъ то около этого времени, проѣздомъ, посѣтилъ, между прочимъ, Луцкъ. Какъ водится, владыкѣ представлялись, сверхъ мѣстнаго духовенства, родные и знакомые; только о. Стефанъ не явился на свиданіе съ своимъ высокопоставленнымъ родственникомъ, не чувствуя родства съ нимъ по духу; пресвященный не скрылъ своего огорченія по этому поводу. Познакомившись съ о. Андреемъ,

архієпископъ сдѣлалъ ему предложеніе ѣхать съ нимъ и опредѣлиться въ Варшавскую епархію, суля ему тамъ хорошее мѣсто. Но о. Андрей, хотя и былъ польщенъ этимъ любезнымъ предложеніемъ и искренно благодарилъ владыку, тѣмъ не менѣе не рѣшился оставить обсиженное мѣсто, бросить начатое дѣло. Нѣтъ основанія, впрочемъ, утверждать, что о. Андрей слишкомъ привязался къ своему приходу и что онъ не сознавалъ обособленности, исключительности и нѣкоторой непрочности своего положенія среди мѣстнаго общества; но при этомъ сознаніи ему, вѣроятно, приходила въ голову мысль: „а не тоже ли самое будетъ и въ Варшавской епархіи?“ И въ этой мысли была не малая доля правды. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего зависѣла обособленность о. Андрея? Судя по свойствамъ его характера, она не могла зависѣть ни отъ природной необщительности съ людьми, ни отъ честолюбиваго увлеченія своею дѣятельностію. Обособленность эта обуславливалась отчасти самымъ существомъ дѣятельности о. Андрея, отчасти весьма серьезнымъ пониманіемъ своего призванія и достоинства. Молодой священникъ изъ заѣзжихъ, не мѣстныхъ, клериковъ, сдѣлался благочиннымъ и сталъ довѣреннымъ лицомъ высшей епархіальной власти въ дѣлѣ преобразования уни, направленного къ сліянію ея съ православіемъ. Положеніе его, въ отношеніи къ мѣстному духовенству и его пастырь и въ отношеніи ко всему обществу, являлось исключительнымъ уже вслѣдствіе исключительности задачи его дѣятельности и исключительности призванія къ ней помимо участія мѣстнаго общества; результатомъ же такой исключительности необходимо являлась обособленность, хотя и скрывающаяся за исполненіемъ обычныхъ формальностей товарищественности и общественности. Но не смотря на такія свойства своего положенія, не обезпечивающія за нимъ прочности, о. Андрей достигъ въ своей благочинническо-преобразовательной дѣятельности, какъ увидимъ дальше, такихъ успѣховъ, которые епархіальная власть признала достойными благодарности. Понятно, что этого нельзя было достигнуть легко, шутя; успѣхи дались молодому благочинному только вслѣдствіе крайне добросовѣстнаго, старательнаго и настойчиваго труда; а такой трудъ являлся прямымъ результатомъ серьезнаго взгляда на жизнь, усвоеннаго о. Андреемъ. Вскормленный въ суровой домашней обстановкѣ, воспитанный труженниками-родителями и монахами, опытно извѣдавшій подвижническое міровоззрѣніе, о. Андрей понималъ жизнь, конечно, не въ смыслѣ наслажденія, а въ смыслѣ труда и цѣнилъ ее по качеству наполняющихъ ее занятій, по высотѣ ихъ задачи и добросовѣстности исполненія. Теперь, что же означало бы для него принять предложеніе архієпископа Антонія Рафальскаго? Это значило бы уклониться отъ труда, не легкаго, даже сопряженнаго съ непріятностями и опасностью, но, за то, тѣмъ болѣе благороднаго и высокаго, тѣмъ болѣе дающаго цѣны и смысла человеческой жизни, уклониться отъ этого и устроить свое положеніе..., при помощи родственника... жены... для о. Андрея, по высокому понятію его о своемъ достоинствѣ, это значило бы унижать свой почтенный санъ до промышленнической заботы о выгодѣ и корысти, отказаться отъ права стоять на собственныхъ ногахъ, отъ чести быть самостоятельнымъ въ своей честной дѣятельности, и сдѣлаться прихвостнемъ сильнаго родственника... и собственной жены...

Такое пониманіе о. Андреемъ своего положенія и жизни и своихъ отношеній къ роднымъ можетъ казаться одностороннимъ и узкимъ, но несомнѣнно, что оно было именно таково. Онъ никакъ не могъ освоиться съ тѣмъ, преобладающимъ обыкновенно, взглядомъ на жизнь, по которому она представляется наслажденіемъ, игрою, гдѣ надо пользоваться временемъ для своего удовольствія; онъ такъ же строго и независтливо смотрѣлъ на наслажденіе жизнью, какъ—по прекрасному изображенію Семирадскаго—смотрѣли на пиришество грѣшники тѣ бѣдные странники, которые шли за Спасителемъ. Мало того, о. Андрей не желалъ найти средину между этими противоположными воззрѣніями, или сдѣлать въ одномъ изъ нихъ нѣкоторыя смягченія въ пользу другаго. Объ этомъ вельзя не пожалѣть отчасти, въ виду того, что о. Андрей былъ не одиночекъ: не будь у него такого идеалистическаго пониманія жизни, столь несвойственнаго духу нашего практическаго вѣка, и было бы благо ему и его семьѣ; не будь у него этого подвижническаго, крайне щекотливаго самолюбія, этого смиренія паче гордости,—и онъ избавился бы отъ многихъ непріятностей, жизнь его и семейства устроилась бы лучше, и быть можетъ, онъ и не лежалъ бы еще въ могилѣ...

Другой родственникъ съ женской стороны—преосвященный Іерофей Лобачевскій—также манилъ о. Андрея переселиться поближе къ нему, но съ такимъ же неудачнымъ результатомъ.

Арсеній Анахоретовъ.

(Продолженіе впереди).

— С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16-го іюня.—Государь Императоръ телеграфируетъ Государынѣ Императрицѣ отъ 15-го іюня: Войска 8-го корпуса, имѣя 14-ю дивизію впереди, переправились сегодня, на разсвѣтѣ, черезъ Дунай близъ Зимницы. Непріятель сбитъ съ первыхъ позицій. Переправа на лодкахъ продолжается безпрепятственно; бой еще длится; потери неизвѣстны. Никополь горитъ отъ бомбардированія; войска Циммермана переправились всѣ и заняли Исаичу, Тульчу и Гирсово.

(Прав. Вѣст.)

Содержаніе № 25.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. О способѣ высылки кружечныхъ сборовъ въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Назначенія. Утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Пожертвованія. Некрологи. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Пр. А. Червяковскій. Телеграмма.

Предыдущій № сданъ на почту 12-го Іюня.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.